

Жизнь возникновения фонда «Ленинградская галерея» или «Как я создала себе рабочее место».

1986 год. Лето.

На Большом проспекте встречаю Киру Миллера.

– Читала как мы митькуем? – своим обычным, уравновешенно-возбужденным тоном.

Я читала. В «Ленинградской правде» статья, в ней написано, что свободные художники Кирилл Миллер и Дмитрий Шагин готовы маму родную пропить. И пропивают они ее в американском консульстве, потому что теперь больше негде. Забравшая их милиция не могла понять, как смогли поднабраться виски и джина эти «никого в Ленинграде не представляющие люди». «Трудно нынче всякой пьяни», – так статья начинается. Митя теперь эту фразу произносит вместо приветствия.

– Митя милиционеров обнимал, я им кричал: «Ментики, какие вы хорошенькие, я вас нарисую!»

(После чего появились два городских пейзажа в цветах милицейской формы)

– Они не пишут, как напились официальные – те уехали на машинах. А модная ли статья? Главное, чтобы статья была модная.

Потом Кира сменил тему и стал просить, чтобы я завтра сбегала в кафе «Восток» и там отметилась. Нужно, чтобы от нас кто-то отметился – там особняки раздают.

Мне уже говорил об этом Ковальский, тоже просил. Ну, я и поперлась. Укрепившись Колей Благодатовым. Приходим, попадаем в собрание, где как бы организуется Федерация любителей объединений. Раздали карточки с вопросами: от какого общества? Чем занимаетесь? Сколько вас? Кто председатель? Я ради ТЭИИ пришла, но нужно было это скрывать. Ибо ТЭИИ стоит на том, что объединяет не любителей, а профессиональных художников. А тут особняки только любителям будет раздавать. И вот пишу лично о себе, то есть о нас с Благодатовым, любителей ТЭИИ, умножив на семь. «Сколько вас?» – «Четырнадцать».

Народу много. Все, в отличие от нас, молодые и умеют говорить про счет в банке.

Ведут собрание комсомольцы. Белокурый и стройный отрекомендовался как Владимир Ульянов. С бородкой. Этакая белокурая бестия. У второго глаза водянистые, как бы искусственные и на несколько размеров больше, чем нужно. Фамилия – Пилатов. Вокруг группы, группы, названия зашифрованные, чем занимаются – непонятно. Рядом трое в сером, с серыми же неподвижно-серьезными лицами, называют себя «ДОМ». Один из них встает и говорит: «Почему в уставе Федерации нет пункта о коммунистическом воспитании?» На это Пилатов отвечает: «Все это и есть коммунистическое воспитание». – «Но если пункта нет, то к нам бог знает кто присоединится». – «Так и нужно, пусть придут к нам, а не неизвестно куда. Мы их будем воспитывать».

И все тут любители, и всем будут равные права – и тем, кто песни сочиняет, и кто сочинителей песен любит, и кто любит свежий воздух – как все было странно летом 1986 года. Тоже мне, Запад решили устроить. Или просто рыбку ловят, выясняют, кто, чем в городе занимается?

Из наших не одна я тут. Кира и сам прибежал. И Тимур, конечно, здесь. И оба после перерыва к нам за стол к сели. Плакала моя конспирация, если есть здесь, кто разбирается. Каждый из нас по обществу зарегистрировал: Кира – проектирование модной одежды, я – любителей современного изобразительного искусства. Тимур думал-думал, ходил советоваться со знакомым комсомольцем. Наконец зарегистрировал «Клуб друзей Маяковского».

И буквально на другой день в мое отсутствие мне на работу позвонили. Из горкома комсомола. И как я от одной вести о звонке холодным потом покрылась и устала. Но все же через неделю, ужас преодолев, в Смольный поехала и у комсомольцев на каком-то собрании присутствовала. На одном конце комнаты я, на другой Тимур, и он мне через комнату подмигивает. Таким Штирлицам, видно, себя чувствует.

А еще через неделю мне предложили статью в «Смену» написать о нашем объединении. Я написала, бумага терпит.

Фотограф из «Смены» меня застал в неудобный момент. Накануне я упала и разбила лицо. И палочка-выручалочка Благодатов был в командировке. Вписывать в

эту комсомольскую аферу давнее всех из комсомольского возраста вышедшего, да и из комсомола выгнанного Льва Борисовича Каценельсона не стоило, но я больше ни до кого из коллекционеров не дозвонилась. Поэтому я Льва Борисовича попросила разрешения произвести в его квартире съемку, и он согласился. Нужна была еще какая-то молодежь, чтобы изобразить объединение. Ближе всего к квартире Каценельсона была мастерская Андрюши Медведева, притон рок звезд и панков, туда я и заглянула – могут же так оказаться просто мальчики и девочки. Так мне там предложили – Гришу Соллогуба. Что это Гриша Соллогуб, поняла даже я, к рок-культуре не причастная: видела – это надо видеть! – его физиономию на обложке только что вышедшей на Западе первой пластинки ленинградского рока под названием «Красная волна». От Гриши я отказалась, но оказавшийся там Олег Котельников за мной увязался. Он был тоже ни к чему: я хотела обойтись без знаменитостей, чтобы сразу не засветиться. А на лестнице перед квартирой Каценельсона ждали митьки: утром я позвонила Флоренскому, мастерская которого тоже находилась рядом, – не пришлет ли кого-нибудь, если кто случится? Так он сам пришел – с Филом. Когда съемка началась, я просила Каценельсона и Котельникова выйти из кадра – но куда там! Так и снялись: ветхая иудейская физиономия Каценельсона, испитая – Котельникова и я с подбитым глазом среди усатых, гладких митьков.

На другой день, вернее ночь, а именно в два часа мне позвонила Ия Алексеевна. Как я могла сфотографировать Льва Борисовича и его коллекцию? Она уже пыталась проникнуть в «Смену» чтобы словить фотографа и как-то отнять снимки. Особых угрызений я не чувствовала. Я не то чтобы уже поверила в перестройку, но догадывалась, что переждать ее в подполье никому, в том числе и Льву Борисовичу не удастся, тем более что он и в самые мрачные времена вечно оказывался на баррикадах. Я ей пыталась сказать другое: фотографии не поместят уже потому, что на них Лев Борисович. Но И.А. перебивала криком, я бросала трубку, телефон продолжал звонить, я снова поднимала и бросала, телефон у меня не отключался, только в пятом часу догадалась снести его в туалет и накрыть подушкой.

Через день в горкоме рассматривали снимки. Котельникова-таки узнали. Через два месяца статья вышла – сильно опошленной и без фотографий.

А по городу слух пошел: Тимур помещение получил!

И вот состоялось открытие «Клуба друзей Маяковского» в Водоканале. В зале некоторое количество художников, остальное по виду – рок-фанаты. Тимур представил, что имел, кроме выставки «Новых художников» – Курехина с Африкой и фильмы Юфита. Африка в парчовом платье на кафедре читал антиалкогольный стих Маяковского. Имитируя застрявшую пластинку, много раз повторял какое-нибудь слово или кусок фразы. Курехин в это время что-то творил за роялем. Потом кино. Фильм первый: «Коммунисты на экране». Смотрю, что такое: Юфит, что ли, в новой манере работает? Коллаж из советских фильмов, где Ленин, между прочим, показан в смешном и кровавом виде. Говорит что-то кровавое под хохот зала – жутко сидеть. Вот тебе, думаю, наш отечественный поп-арт. Никакого формализма – так все остро. И как Тимур это решился показать – он же старается не ссориться с властями.... Через пару дней захожу к Юфиту, и оказывается: он тут ни при чем, никакой это не поп-арт, а натуральный советский фильм, насильно вставленный в программу дирекцией клуба для воспитания молодежи.

Больше о мероприятиях клуба я не слышала. Но бесчисленны были упоминания о нем в западной прессе.

А насчет «помещение получил» – это неточно. Само по себе любительское объединение, оказывается, ничего получить не могло. Нужно было, чтобы какая-нибудь организация его «взяла под крышу». Крышу требовалось найти. И посоветовали мне попытаться счастья в Доме ученых в Лесном. Меня это место не устраивало – далеко. Мне и так со своего Котова поля за Всеволожском переть. Но Ковальский велел. Ковальский – начальник. Ведь все затевалось ради ТЭИИ, а делами ТЭИИ занимался Ковальский. Он велел съездить, чтобы «обкатать разговор». И вот прихожу я к директору и излагаю идею. И все это ему нравится. И зовет он хушрука. Прибегает человек с бородкой и первая его фраза такая: «Современное искусство – это очень опасно. Там есть такой Ковальский...»

Ковальскому действительно нужно отдать должное: он сумел меня приспособить. Роль моя была ролью лица подставного. Ковальский взял манеру только сооб-

щать мне о мероприятиях общества, которое я, якобы, возглавляю. Например, под маркой общества собирается Ковальский где-то показывать слайды работ художников ТЭИИ. Публика жаждет объяснений, а Ковальский говорит: «Это Шмагин, художник из Дубна». Я встала на дыбы: если уж показывать, то нужно сначала готовить текст.... Пока ругались, телефон зазвонил, и слышу, он уже по телефону для того же мероприятия музыкантов приглашает, своих протеже из какого-то города, мне неизвестно какого качества...

Я же, хотя и пошла на роль лица подставного, но мне неудобно не быть тем, чем назвалась. И поскольку особняка для ТЭИИ явно не предвиделось, я уже хотела создать объединение, о котором возвестила: то есть собрать любителей и ценителей современного искусства. У меня свои планы возникли, я, как некоторые дамы у Достоевского, возмечтала «соединить общество».

С этой целью стала расширять знакомства с коллекционерами. К Семену Ласкину поэтому съездила, предложила вступить в общество. Он осмелел, найдя невозможным: никакая организация, сказал он, под свое крыло такое состоящее из интеллигентов общество не возьмет. «Не будьте идеалисткой».

Роль Ковальского я не хочу преуменьшать. Вечер Филонова в клубе «Авангард» организовал полностью он. Мероприятие не в моем вкусе, но оно, по крайней мере, не провалилось. В основном благодаря тому, что Ковальский работал в то время в котельной ТЮЗа и смог раздобыть театральные мальчиков и девочек, которые с пафосом и одновременно достаточно профессионально прочли риторический текст Олега Покровского и бредовую декларацию Филонова. На волне этого пафоса и было объявлено публике об объединении любителей современного изобразительного искусства. И вот с чем я тогда столкнулась. Выходишь на сцену и предлагаешь идею. И люди, которые в первый раз об этом слышат, вместо того чтобы принять или пропустить мимо ушей, с напором и злобой начинают предлагать что-то свое и от тебя чего-то требовать. Особенно эти требования меня поразили.

Там-то и возникли люди, которые на первом этапе составляли объединение.

Вот в чем оказалась трудность создания. Нужно собрать людей. Я полагала, что такие люди в Ленинграде есть. Но чтобы извлечь их, нужно широко оповестить о себе. И тогда явятся – всякие. Говоруны, ненужные люди, и, главное, люди с иными целями. А поскольку должна быть демократия, то нет средств отстоять свои, те ради которых все это создавалось.

У меня был опыт посещения научных семинаров. Собирались более или менее серьезные, умные люди. Но стоило появиться разговорчивому дураку, умалишенному, как он овладевал ситуацией. Нельзя же им вставить кляп в рот. Глупо говорить что-то умное в присутствии дурака.

Есть сорт людей, которые ищут место, где бы поговорить. Их я особенно боялась. Мне нужно было, прежде всего, сделать общество юридической реальностью – для этого требовались люди с иными качествами.

Нет, роль Ковальского я не могу преуменьшить, ибо это он подсунул мне Людушку.

Тогда это была еще Люда, небольшого расточка студентка, бойкая, румяная, белокурая, свежая как ясное утро, с греческим носом и громадными коричневыми глазами. Ковальский мне ее предложил для хождения в горком комсомола. Я туда ходила и ходила без толку. (Инструктор по идеологии: «Нам все это нравится, но как общественное мнение?») Зато там уже появилась схема, где были все всплывшие группы, со стрелочками, объясняющими их идеологическое и иное происхождение. И там была «Группа Гуревич», к ней шла стрелочка от ТЭИИ, а к ТЭИИ от «битников» (имелись в виду арэфьевцы, что ли?). Это было единственным результатом моего хождения в горком, пока я ни пришла туда с Людой. То особенное, чем она обладала, я обнаружила впервые именно в горкоме: все комсомольцы мужского пола при ее появлении заметно оживились. Разговаривала она с ними весело и нецеремонно, она тут была как бы «своя». И тогда Пилатов впервые объявил, что нужно сделать для юридического оформления объединения. Забегая вперед, скажу, что когда объединение уже работало, я с не меньшим успехом отправляла Люду в управление культуры – там ей что нужно подписывали.

А тем временем (январь 1987) готовилась очередная выставка ТЭИИ. И туда, в помощь, Ковальский тоже запустил Люду. Ее тут же приняли в свои широкие объятия митьки. По крайней мере, трое из них заявили: моя! – так она стала Людушкой. Коваль-

ский мне выговаривал: зачем знакомила ее с митьками? Он, видно, боялся потерять столь ценного кадра – и поспешил Людушку с выставки убрать, и она отправилась искать «крышу». И в первом же месте, куда она пришла, директор клуба при виде ее, тут же подписался под тем, что берет наше объединение в свой клуб. Он еще готов был идти пить с ней коньяк и прописать ее в Ленинграде. Он что ли думал, что он-то ее и покроет?

Так объединение получило крышу – вещь, о которой приспособленный к жизни писатель Семен Ласкин говорил, как о невозможной. И я тут ни при чем. Был 36-градусный мороз, я была простужена и, тем не менее, каждый день ездила в стеклянный ангар в Гавани, где монтировалась выставка, поскольку я секретарь выставкома. Туда и пришла Людушка с радостной вестью. Когда же я, наконец, пришла в этот клуб, то обнаружила, что там нельзя делать выставки: зал огромный, но из него ведут восемь дверей, там сцена и по субботам танцы. Но дело было сделано.

Ковальский велел и здесь организовать вечер Филонова. Я подчинилась, но настояла на другой программе. Текст Покровского был мной забракован, вместо этого я пригласила главного специалиста по русскому авангарду Евгения Ковтуна. Ковтун согласился. Однако у подпольного авангарда было время узнать его нрав, и уж не помню, кто меня предупредил, что накануне он сломает ногу. Он действительно заболел гриппом, и у него поднялось давление. Все силы при подготовке вечера были брошены на привлечение публики, и это удалось. Огромную разгневанную толпу я не видела – я к ней не вышла. В одной из комнат, набитой до отказа, я разговаривала с теми, кто заинтересовался работой объединения. При этом у меня болело горло. На другой день голос пропал совсем.

Подобным родом деятельности я занималась впервые в жизни. Когда голос вернулся, я собрала людей, принимавших в этом какое-то участие с намерением обсудить проблемы, выявившиеся в процессе организации вечера. И тут произошел бунт: мне сказали, что не за тем сюда пришли. Они пришли за искусством, а тут про искусство ни слова, я им то про устав, то про смету и продажу билетов – как будто это общество каких-то функционеров.

На эти собрания я не приглашала коллекционеров, которых имела в виду, когда объявляла об объединении любителей. Собравшиеся тут были люди, собственно, любителями не были, были, скорее, любопытствующими. Хорошую живопись они на выставках не замечали, и имена, которые я им называла, воспринимали как мои личные пристрастия. Нужно было постепенно выуживать настоящих любителей, этому могли служить мероприятия, но их должен был кто-то организовывать.

К человеку, которого можно было заподозрить в некотором знакомстве с ленинградской живописью, я подошла на обсуждении одной выставки после его выступления. И предложила участвовать в работе объединения. Он впервые появился именно на собрании, где народ взбунтовался. И повел себя так, словно это урок, присутствующие дети, а он либеральный преподаватель. (Потом так и оказалось: он преподавал в ПТУ.) Он сделал опрос: кто тут что хотел бы делать, а потом дал всем новое задание. Он сказал: давайте создадим музей современного искусства. Его предложение я, разумеется, восприняла как неуместное, но в нем самом почувствовала дерзость и запас нерастроченной энергии. Он, по-видимому, не доиграл в детстве и теперь искал возможности. И фамилия у него была подходящая – Храбрый. Я поняла, что есть на кого оставить мне надоевшее дело. И тогда я сбежала.

1991.

P.S. Нет, разумеется, музея. Но все-таки было объединение «Вернисаж», со своими успешными выставками неофициальных художников, с первыми напечатанными в типографии буклетами. Оно преобразовалось в фонд «Ленинградская галерея», организовавший первую выставку художников арефьевского круга, издавший первую брошюру о них. В фонд меня взяли на работу, что дало возможность продержаться в 1990-е гг. Как сказала одна знакомая: «Ты создала себе рабочее место».